

То небольшое чувство печали, что оставалось в его сердце, вдруг улеглось. И так, он и Сяофан ошибались с самого начала. Детские шутки, не более. Из-за заранее определённых обязательств он подсознательно считал Сяофан своей второй половиной. Но если убрать фактор помолвки, они никогда по-настоящему не любили друг друга.

— Мастер, что тогда случилось? — пока Чунмин размышлял, Хуа Мао обратился к старому монаху.

Тот перебирал чётки:

— Ничего особенного. Мстительный дух просто слишком глубоко засел в своей обиде и не желает быть освобождённым.

— Что же делать? — воскликнул Хуа Мао. Неужели придётся переезжать? Он только месяц как переехал, и если старший брат узнает, его ждёт бесконечная нотация. К тому же это был ближайший к дому Юэюэ район с виллами. Он бы с радостью переехал к ней по соседству, но она не позволяла.

Старый монах сохранял загадочное выражение:

— Есть способ, но... — он смотрел на Хуа Мао с многозначительным взглядом.

Хуа Мао, встретившись с ним глазами, вдруг осенило:

— Понял, всё понял. Мастер, не беспокойтесь, цена не проблема. Если вы сможете решить эту проблему, я гарантирую вам щедрое вознаграждение.

Старый монах мгновенно заулыбался:

— Мне нравятся такие умные и решительные люди, как вы, Хуа Шао!

Старик и молодой человек обменялись хихиканьем, словно нашли друг в друге родственные души.

Чунмин тихо вздохнул.

До ночи оставалось ещё много времени, и Цзин Хай решил ещё раз изучить события тех лет, надеясь найти родителей мстительного духа. Возможно, его обида была связана с ними, и его смерть могла быть не такой, как её описали.

Для удобства все собрались в доме Хуа Мао, и Чунмин наконец задал вопрос, который давно его интересовал:

— Ши сюн, кем ты работаешь? Ты полицейский?

Вэй Шуфан протянул ему руку:

— Вроде того.

Что значит «вроде того»? Чунмин послушно подал свою руку. Он уже привык, что, когда Вэй Шуфан был свободен, он любил держать его за руку, причём без перчаток. Сначала это казалось странным, хотя рука Вэй Шуфана была красивой и приятной на ощупь. Он пытался протестовать, но стоило Вэй Шуфану слегка нахмуриться, как все его сомнения исчезали. Держи, держи, сколько угодно, ведь рука не отвалится.

Сейчас было то же самое. Увидев бледное лицо Вэй Шуфана и слегка нахмуренные брови, он тут же протянул руку.

Цзин Хай не удивился, старый монах, не отрываясь, смотрел в планшет, а Хуа Мао, впервые увидев их вместе после последнего визита, широко раскрыл глаза, переводя взгляд с Вэй Шуфана на Чунмина, и наконец выдал:

— У вас, братья, такие тёплые отношения. Ха-ха.

Конечно. Чунмин кивнул с полной уверенностью. Он и Вэй Шуфан были настоящими братьями по духу, как же их отношения могут быть плохими! За всю его жизнь у него почти не было мужчин, которые могли бы стать для него примером. Гу Чжань был старше его на два года, но в детстве это не так заметно. Старый монах, хотя и жил в горах, первые восемнадцать лет не был с ним близок. До того как они стали учителем и учеником, он был ближе к деревенским жителям.

Появление Вэй Шуфана заполнило пустоту в его жизни, оставшуюся от отсутствия мужского примера. Но так как старый монах появился раньше, заняв роль отца или дяди, Вэй Шуфан стал для него старшим братом. В его сердце, помимо двоюродной бабушки и учителя, Вэй Шуфан занимал самое важное место.

Если Вэй Шуфан не хотел говорить, значит, у него были причины. Чунмин не стал допытываться, уверенный, что рано или поздно всё станет ясно.

К вечеру Цзин Хай принёс результаты расследования.

Их предположения подтвердились — ребёнок действительно умер не своей смертью.

Погибшего звали Ци Хао. Его отец, Ци Чэн, сейчас был профессором в известном зарубежном университете. Он уехал за границу через полгода после смерти сына и с тех пор жил там.

Цзин Хай сделал паузу:

— У него был гомосексуальный партнёр. Судя по данным, они были вместе уже двадцать лет, и даже после женитьбы Ци Хао их отношения не прерывались.

— То есть он обманул её? — с отвращением спросил Хуа Мао. — Чёрт, я ненавижу таких людей! Помню, как Жун чуть не стала жертвой обмана Сун Тунгуана, этого проходимца. Если бы он не сбежал, я бы сделал так, чтобы он не мог жить нормально!

Гомосексуальный партнёр? Чунмин задумался:

— Значит, это как в историях о любви Лунъяна.

— Да, — подтвердил Цзин Хай, обращаясь и к Хуа Мао, и к Чунмину. — Ци Чэн действительно обманул её. Чжэн Вэй была его младшей коллегой по учёбе. Судя по данным, она была скромной и мягкой, и Ци Чэн, вероятно, выбрал её именно из-за её податливости.

— Они поженились, и через два года у них родился ребёнок. После рождения ребёнка он попытался перевестись на другую должность. Я думаю, он хотел жить отдельно или даже развестись, но не смог. Родители Чжэн Вэй погибли в автокатастрофе по пути навещать внука, и виновник аварии выплатил крупную страховку. Ци Чэн отозвал своё заявление.

Это слишком... Чунмин нахмурился.

— Слишком подло! — закончил за него Хуа Мао с выражением отвращения на лице. — Обмануть в браке — это одно, но ещё и наоборот! Не говори, что у него это получилось?

— Ты угадал, — сказал Цзин Хай. — Ци Чэн действительно рассчитывал на имущество Чжэн Вэй. Она была из обеспеченной семьи, её родители были единственными детьми в своих семьях и оставили ей три дома в маленьком городке. Хотя это не сравнится с Аньши, продажа принесла бы немало денег, не говоря уже о наследстве. Общая стоимость составляла более миллиона, что по меркам десятилетней давности было значительной суммой, не считая страховых выплат.

— По словам подруги Чжэн Вэй, их отношения испортились ещё до смерти Ци Хао. Она советовала Чжэн Вэй оставить себе путь к отступлению, но та не прислушалась. Когда дело дошло до развода, почти всё имущество уже было передано гомосексуальному партнёру Ци Чэна, а Чжэн Вэй досталась только половина стоимости виллы.

— Подруга Чжэн Вэй? А где сама Чжэн Вэй? — спросил Хуа Мао.

Да, где же Чжэн Вэй? Чунмин тоже смотрел на Цзин Хая с вопросом. Неужели она тоже уехала за границу?

— Она умерла, — с сожалением ответил Цзин Хай. — После развода с Ци Чэном она впала в депрессию и через два года покончила с собой, перерезав вены.

— Чёрт возьми! — Хуа Мао не сдержался и выругался. — Что за чудовище! Я ненавижу таких людей, это просто отбросы общества!

Чунмин тоже был возмущён:

— Как Ци Чэн мог быть таким плохим? Он не боится возмездия?

— Нельзя так оставлять, — Хуа Мао встал, упёр руки в боки и начал ходить кругами. — Я всегда готов вступить за справедливость. Если бы я не встретил это, то ладно, но раз уж встретил, не могу остаться в стороне. Где сейчас этот Ци Чэн? Я найду способ с ним разобраться!

Цзин Хай скосил на него глаза и съязвил:

— Не знал, что Хуа Сань — такой борец за справедливость.

Хуа Мао гордо поднял подбородок, приняв позу супергероя:

— Именно! Я — воплощение справедливости, сочетание ума и красоты, таланта и рыцарства!

Цзин Хай сделал вид, что его тошнит.

Чунмин поддержал аплодисментами:

— Скажите, о защитник справедливости, как вы планируете наказать его? Могу ли я чем-то помочь?

— Ну... — Хуа Мао задумался, заложив руки за спину и начав медленно ходить, как настоящий герой. — Этот вопрос требует тщательного обдумывания. Подождём, подождём.

Цзин Хай усмехнулся.

— Его обида может быть не связана с родителями, — вдруг произнёс Вэй Шуфан, его состояние немного улучшилось, и он говорил медленно. — Ты помнишь, что он воровал? — он посмотрел на Хуа Мао.

Тот задумался:

— Эээ... хлеб, молоко, печенье, ветчину... Погоди, ты имеешь в виду...?

Цзин Хай тоже понял:

— Это всё детская еда. Можно предположить, что он воровал её не из шалости, а чтобы отдать кому-то. И этот кто-то...

— Девочка! — Чунмин осенило. — Я понял, это для дочери Кэ Маньцин!

Но зачем ему было воровать еду для дочери Кэ Маньцин?

<http://bllate.org/book/16737/1539965>